

РОМАН БОГОСЛОВСКИЙ
ТОККАТА
И ФУГА

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ І СОДЕРЖИТ
18+

Книжная полка Вадима Левенталя

Роман **БОГОСЛОВСКИЙ**
Токката и fuga

ИД «Городец»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Богословский Р.

Токката и fuga / Р. Богословский — ИД «Городец»,
2020 — (Книжная полка Вадима Левенталя)

ISBN 978-5-907220-50-8

Господство над миром и господство над человеческим телом – самые невероятные способы достижения и того и другого составляют главную интригу новой книги Романа Богословского, которая замаскирована под детектив с сексуально-экономическим сюжетом из жизни обычной российской семьи 1990-х. Книга содержит нецензурную лексику

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907220-50-8

© Богословский Р., 2020
© ИД «Городец», 2020

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Токката	7
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Роман Богословский

Токката и fuga

© Р. Богословский, 2021

© ИД «Городец», 2021

© П. Лосев, оформление, 2021

* * *

*Моей несвятой троице: жене Татьяне, дочкам Соне и Оле.
Будьте бдительны во все дни вашей жизни.*

Пролог

– Василич, подъезжай ближе, как сыпать будешь? Тут пригорок! Сейчас высыплешь на него, как потом песок растаскивать на весь берег? Лопатами? Я как-то, знаешь, наработался уже сегодня. Ближе, ближе ко мне подъезжай! Еще! Еще! – смуглый крепкий парень в белой майке жестами показывал, куда именно нужно подъехать самосвалу, груженному песком.

Берег реки густо зарос травой и был слишком крутым для песчаного пляжа. Но с руководством не поспоришь: сказано высыпать остатки песка именно сюда – надо сделать это без лишних вопросов.

Молодой рабочий Михаил Ромин морщился. Он прекрасно понимал, что долго этот песок здесь не пролежит.

– Чего морщишься, Ромин? – толкнул его смуглый в грудь. – Вот будешь прорабом, сам станешь решать, куда сыпать, куда не сыпать. А сейчас выполняй. Быстро закончим и в закусную – цок-цок-цок.

Василич вылез из кабины, закурил, присел рядом с Роминим и смуглым.

– Слышь, Василич, Ромин без году неделю работает, а уже недоволен. Не нужен, говорит, тут песок, не место тут для пляжа. Начальство ему не указ, понял как? – хохотнул смуглый.

Водитель похлопал Ромина по спине и по-доброму улыбнулся:

– А мы откуда знаем? Может, нам только и нужно, что песок этот утилизировать. С другой стороны глядя, вот оно что выходит: пусть пробудет пляж, сколько пробудет. Ты, Ромин, дочку свою приводи сюда, похвались ей – папка песочку привез, самолично.

Ромин сплюнул, напряг челюсть, ядовито огрызнулся:

– Вообще-то, у меня сын. Это первое. Второе – далеко нам с ВДНХ сюда ездить. Умник...

Василич удивленно глянул на Ромина:

– Сын? Странно... Вроде дочь же? И жена твоя говорила про дочь, когда гуляли на Новый год... Интересное кино получается...

Часть первая. Токката

Отец снова не доволен.

Он всегда сердится, когда не помыты полы и кастрюля с супом не убрана в холодильник.

Мать старалась, готовила, а ты так относишься? – кричит.

Да, можно сказать ему: папочка, прости, но это уже не помогает.

Он говорит: ты уже выросла, прекращай эти детские сопли.

Откуда берется его злость? Он нависает надо мной, словно гнилое дерево.

Кричит: попробуй сделать что-нибудь сама. Слабо приготовить кастрюлю супа? Знаешь, сколько сил на это надо? Ты хочешь, чтобы он прокис? В нем, между прочим, ценное мясо, лук и картофель. Кто ты такая, чтобы дать всему этому погибнуть?

Знаю, что не поможет, но все равно говорю «папочка, прости».

Он чуть успокаивается. Садится за стол напротив меня. Потирает вспотевшие виски своими огромными руками. Закрывает глаза.

Я поджимаю ноги, обнимаю их. Привычно ставлю подбородок меж коленей. Строю из себя грустную дочку.

А я и правда грустная. Нельзя. Нет, нельзя все сделать правильно. Он все равно найдет то, что происходит не по его законам. Сегодня – полы и суп, вчера – тройка по физкультуре, позавчера – слишком поздний приход домой. Перечислять можно долго.

Он открывает глаза и смотрит. Складывает руки на столе. Медленно шевелит пальцами. Они словно лапы жирной крысы. Его крупные плечи оживают, приходят в движение.

Он зевает. И все смотрит, смотрит...

А потом придирается дальше: ты посмотри на свой халат. Это ведь домашний халат, правда? Так почему он у тебя весь в пятнах? Ты что, работаешь в нем на стройке? Вот я про-раб. У меня полно строителей. Пока длится рабочий день, они могут позволить себе ходить в грязной одежде. Они работают, понимаешь? Строят дома, больницы, детские сады и школы. Ты – подросток. Какого черта у тебя домашний халат весь в дерьме, а? Ты можешь ответить на этот элементарный вопрос отцу?

Снова закрывает глаза, трет виски. А я молчу.

Он все не унимается: иногда мне кажется, что ты не мой ребенок. Вот у меня черные волосы, у матери тоже. А ты почему с рыжиной и кудрявая? Почему худая?

У всех дети как дети. Вовремя приходят из школы, получают хорошие оценки, уважают родителей. А ты чего делаешь? Не может быть у меня такого ребенка, не может!

Его несет и несет: знаешь, что умел твой дедушка? Он мог спать рядом с мертвецом.

Был такой случай. В Ивановке, где он вырос, умерла соседка по дому. А он как раз в гости приехал к твоей прабабке. Это не так уж давно и было-то. Его нет сколько? Лет десять? А случай тот произошел... лет двенадцать назад.

В общем, куда-то все ушли, кто за попом, кто за самогоном, кто за чем. А он один остался в доме с мертвячихой. И долго что-то никто не шел. И дед твой взял да и спать лег. Комнатка маленькая у них была, гроб стоял прямо рядом с диваном. А он свет выключил – и тут же спокойно заснул.

Понимаешь? Твой дед, не кто-нибудь. Ты вот так можешь? Что ты вообще можешь?

Когда отец начинает нудно рассказывать случаи из жизни, лучше не перебивать. «Папочка, прости» нельзя не только произносить, но и думать. Может стать еще хуже. Отец весь покраснеет, взбугрится, станет выше, чем есть, будет трястись. А при его росте это выглядит по-настоящему страшно.

В детстве мать шутила над моими рыжими волосами. Говорила, что, когда была беременна, у нее был рыжий кот. Он все время лежал на ее животе, вот и передалось. Отец говорил, что застрелил его, но это неправда. Он просто умер от старости.

Он все говорит и говорит. Про своих рабочих, про друзей и давно забытых сослуживцев. И все они значительно лучше, чем я. Все во много раз превосходят меня.

Я сильнее стискиваю ноги руками. Только я сама могу обнять себя по-настоящему. Только я одна знаю, что не стоит этот суп таких скандалов. Сижу и думаю про суп, ненавижу его. Отец улавливает это.

Говорит: надеюсь, этот разговор у нас в последний раз. Еще раз не уберешь суп с плиты в холодильник, заставлю съесть всю кастрюлю. Засеку время – не съешь его весь ровно за минуту, посмотришь, что будет.

Привстает, напирает на меня: посмотришь, что будет, ясно тебе?!

Киваю сначала еле заметно, потом сильнее. Из глаз сами собой начинают литься глупые слезы. Он не любит этого больше всего на свете. Он смеется, скрестив руки на своей волосатой груди.

Дразнит сквозь смех: вот теперь ты снова похожа на свою мамашу. Одно лицо, надо же! Вы не мать и дочь, вы прямо сестры!

Прекращает смеяться. Становится сначала злым, затем будто равнодушным. Лезет в холодильник. Наливает молока из бидона в свою любимую кружку с жирафом. Залпом выпивает.

Идет в коридор и начинает собираться на охоту.

Кричит, распахивая дверь: бегом стирать халат, а потом полы мыть! Вернусь, проверю. Смотри мне, двоечница, чтобы все было сделано на отлично!

Ушел. И нужно мыть полы. Воскресенье будет без отдыха. К ночи он вернется. Вместе с мясом.

Мясо!

Эти кровавые туши птиц или зверей. Как всегда, он поставит тяжелые сумки в коридоре. Сядет на диване в гостиной, руки за голову. А мы с матерью будем таскать мясо на балкон.

Он будет улыбаться криво, нахально.

Отбивные, наваристые щи, домашние пельмени – все это матери снова придется готовить часами.

Иду в ванную, включаю прохладную воду, ложусь.

Я люблю рассматривать и трогать себя. Чувствую, что превращаюсь в кого-то другого. Или кто-то другой становится мной. Еще полгода назад на груди моей были лишь маленькие смешные сосочки. Сейчас они поднялись, под ними набухло, словно их водрузили на два небольших пригорка. От прикосновений к ним внизу живота я чувствую приятное покалывание. Хочется, чтобы оно не заканчивалось.

Выключаю воду, просто лежу. Медленно вожу по телу ладонями. Неужели там, внутри, под кожей, находится то же кровавое месиво, что приносит отец с охоты?

Хочешь проверить? Давай, попробуй, говорю себе. Взгляд сам собой ложится на отцовскую бритву.

Слышу шуршание ключа в замке – вернулась мать. Та самая мать, что тихо всхлипывает ночами. Та, что готовит котлеты, отбивные и пельмени из кровавых туш. Та, что не может сказать ни слова, глядя в его разъяренные глаза. Та, что тихо скулит за закрытыми дверями спальни. Та, что целует меня на ночь безвольными губами...

...такая противная, гадкая – мать...

Кира, давай вылезай из ванной, кричит. Отец скоро придет, мясо принесет, а полы не помыты. Ты что там себе думаешь-то?

Лежу неподвижно. Может, все-таки проверить? Вдруг мясо все же есть у меня внутри? Зачем отцу лишней раз убивать животных? Есть она, Кира, его дочь. У нее есть мясо. Бери, папочка. Сколько нужно, бери. Хватит и на котлеты, и на отбивные, и на плов.

Вновь представила его улыбку. Эти губы... Растягиваются, затем лопаются. Он кричит, зажимает рот руками, по ним течет кровь... Вот бы так... Но это мечты.

Мать помогает мне мыть полы и стирать халат.

Рассказывает, что у ее подруги тети Лены воспаление легких. Оно и понятно, холод-то какой уже вторую неделю. А она все красуется, без головного убора ходит и в мини-юбке. Все задом вертит неизвестно перед кем. Вот и довертелась, ворчит мать.

Тетя Лена любит ходить к нам в гости, ведь у нас всегда есть мясо – она его обожает. Отец добрее, когда она приходит. Улыбается и чешет живот под майкой. Нас с матерью не замечает блаженные пару часов.

Тетя Лена красивая и работает в книжном магазине. Отец всегда шутит: принеси что-нибудь про зверей почитать, я их так люблю! Тетя Лена морщится, стесняясь, смотрит на него и продолжает глотать мясо, не забывая его подсаливать. Мама отворачивается к газовой плите и поджигает губы.

Однажды я пришла из школы раньше обычного. Дверь в спальню родителей была закрыта. Оттуда доносился писк. Не мамин обычный скулеж, а именно писк, будто за дверью давили мышей. Это пищала тетя Лена. Они вышли с отцом из комнаты красные и счастливые.

Кирюш, тетя Лена приходила поговорить о покупке дичи. Я же скоро еду на большую охоту. Но маме об этом знать не нужно, хорошо? Она ведь не любит, когда я мясо продаю. Хорошо, Кирюш? Говорил отец угрожающе, но как-то по-доброму.

Хорошо, папа.

Он всегда зовет меня Кирюшей. Это доставляет ему особое удовольствие.

Отец вернулся. Я уже лежу в кровати. Слышу, как стучат об пол сумки с мясом. Мать носит их на балкон по очереди. Они с отцом о чем-то тихо говорят.

Постепенно их голоса превращаются в голоса моих одноклассников, которые шепчутся о чем-то посреди класса. Затем один из них, Саша Коровин, берет губку и стирает с доски какие-то формулы. Я засыпаю.

Наступает понедельник. И снова наш девятый «А». И опять я чувствую себя виноватой: в школе меня ничего не привлекает. Совсем ничего. Я люблю наблюдать за процессом, как с доски что-то стирают, а потом снова пишут. Мы по очереди ходим мыть губку в туалет. И снова – стираем и пишем.

Девчонки говорят, что одноклассники нравиться не могут – слишком они глупые и маленькие. У меня не так. Мне нравится одноклассник Жорик Ордановский. Если честно, то мне нравится не совсем он. Мне просто приятно, когда он наблюдает за всем, что у меня меняется и растет на груди. Тем самым, что я трогаю, лежа в ванной.

Кажется, что Жорик знает какой-то секрет. Он точно уверен, что каждый день это становится все больше – и наблюдает. Ему известна тайна моего тела. Стоит мне войти в класс, как огненные шары из его глаз несутся ко мне. Круглые глаза его осматривают и ощупывают мое тело. От этого мне становится хорошо. И приятно покалывает низ живота, как в ванной.

Жорик сидит позади меня. Галина Павловна стирает с доски. Он мягко тычет ручкой мне в спину. Поворачиваюсь. Пойдем после уроков гулять на ВДНХ, шепчет. Отстань, не знаю, шепчу я в ответ.

В прошлые выходные Жорик приходил ко мне в гости. Отец был дома. Задавал ему дурацкие вопросы. Хочешь ли в армию, мечтаешь ли стать настоящим строителем, умеешь ли стрелять из ружья.

Жорик нервничал, мой отец пугал его, хотя ничего страшного не происходило. Отец это чувствовал, ему это нравилось.

Вдруг он стал серьезным и скомандовал: оба на пол, упор лежа принять!

Мы упали на пол.

Отжимайтесь, сказал отец грозно.

Он комментировал: задницу не выпячивать, грудью пола касаться, быстрее, быстрее.

Я отжалась пять раз, Жорик – семь.

Отец закричал: проводи Жору до двери!

Жорик поспешно ушел, забыв шарф и перчатки.

Возвращаюсь в гостиную. Отец развалился на диване, я стою посреди комнаты.

Вдруг он вскочил с дивана, упал на пол, быстро и красиво отжался девяносто раз.

Встал, отряхнул ладони. Смотрит на меня, веки его чуть подрагивают.

Кирюша, говорит он отрывисто, почему этот зассатый Жорик отжался больше тебя?

Он вновь разлегся на диване. Я молчу. Хочу сказать, он же мальчик, они всегда больше девочек отжимаются... И вообще для девочек придумали другие отжимания, полегче...

Но разве я могу?

Его веки дрожат от недовольства. Он кричит то же самое: отвечай, почему зассатый Жорик отжался больше тебя?!

Не знаю, наверное, он сильнее, говорю я себе под нос.

Отец привстает, хватает меня за руку, кость мучительно ломит. Он не кричит, но говорит громко, отчетливо: слышишь, ты? Никто в классе не может быть сильнее тебя. Говори, ты пропускаешь физкультуру? Пропускаешь или нет? Ты посмотри, какая сегодня жизнь! Ты должна быть сильной! Он хватает меня за вторую руку и трясет. Уже кричит: больше ешь мяса, больше тренируйся. Если сама не запишешься в секцию каратэ, я тебя туда за волосы отволоку. И кстати, подстригись, чего космы распустила? Сделай аккуратную прическу. Месяц тебе. Через месяц снова устрою вам соревнования. Не дай бог, ты отожмешься меньше. Узнаешь тогда, что будет...

Кир, ну Кир, пойдем после школы на ВДНХ, не унимается Жорик.

Его шепот слышит Галина Павловна, прекращает стирать с доски, повышает голос: Ордановский, к доске захотел? Нет, твердо отвечает Жорик. Нет? Тогда бегом губку мыть, зло прикрикивает англичанка.

На ВДНХ после школы я пойти не могу. У меня музыкалка.

Ее так ненавидит отец! Лишь благодаря матери я там все еще учусь.

Жорик расстраивается. Говорит, что пойдет со мной, подождет, а потом проводит до дома. Соглашаюсь, все равно не отстанет.

На сольфеджио, как всегда, опаздываю. Прыщавый Михаил Антонович, как всегда, недоволен. Садись, говорит, Ромина, поем уже без тебя тут всюю. Еще раз опоздаешь, заставлю перед всем классом петь что-нибудь из репертуара группы «Комбинация».

В классе смех.

А потом на экзаменах объявим тебя: «А сейчас для вас поет Кира Ромина, новая солистка группы „Комбинация“». Пятерка тебе обеспечена. Краем глаза вижу, как в дверь подглядывает Жорик своим серым, вечно взволнованным зрачком.

Сажусь за первую парту, достаю тетрадь по сольфеджио, в которой и не пахло домашним заданием.

Худой Михаил Антонович в неприятном желтом свитере медленно подходит, на губах усмешка. Смотрит в тетрадь. Мог бы и не смотреть, он и так знает, что домашнего задания там нет. Обводит класс пустым каким-то взглядом. Садится на краешек моей парты, откашливается.

Нет, говорит он. С такими успехами, как у Роминой, никогда не будете вы играть токкаты и фуги. Ни один из вас. А если и будете, то плохо. Автор будет недоволен. Перевернется в гробу в церкви святого Фомы в Лейпциге.

Он по-дурацки хихикает. Подходит к окну, смотрит на падающий снег в свете фонаря. Повышает голос.

Важно спрашивает: кто из вас знает, почему я сказал «токкаты и фуги»? Почему я использовал множественное число?

Класс притих.

Я и говорю, не играть вам токкат и фуг. Сказал я так, потому что их две в тональности ре-минор у Баха, поняли? Не одна, а две. Одна называется «Токката и fuga ре-минор», а вторая «Токката и fuga ре-минор „дорийская“».

Вздыхает, разминает пальцы, будто сейчас же собирается сыграть оба названных произведения. Только вот органа не видно.

Идет, садится за свой стол, ногу на ногу, руки скрещивает на груди.

Кто из вас знает, что такое токката, как это переводится?

Всеобщее сопение, кто-то пугливо кашляет на задней парте.

Михаил Антонович мучительно трет лицо, оно от этого краснеет.

Ромина, иди сюда, говорит.

Подхожу с опаской.

Смотрит на меня зло и нагло.

Вытяни руку и прикоснись ко мне, потрогай меня, просит. Ощущаю страх и брезгливость – не хочу прикасаться к желтому свитеру.

Я кому говорю? Трогай меня, ну? Вытягиваю руку, закрываю глаза, касаюсь свитера, сразу отдергиваю руку.

Вот именно, говорит он торжественно. Токката переводится как «трогать» или «касаться». Впрочем, вам, я вижу, дела до этого нет.

Смотрит на меня, говорит сквозь обиду: иди, садись на место, токката в комбинации. В классе смех. Надо мной. Учитель говорит громче прежнего: чего смеетесь? Такие же неучи.

Сажусь на место. Димка, сосед по парте, хихикает в кулак: токката в комбинации... И еще раз повторяет, только громче – токката в комбинации!

Михаил Антонович слышит это. Говорит ему: а ты сам кто? Кто ты сам? Иди-ка сюда, садись за фортепиано. Сейчас твое пение послушаем. Может, ты у нас группой «Нэнси» станешь. Так, открываем тетради по сольфеджио на странице 67.

Жорик, конечно, все слышал, глядя в приоткрытую дверь.

По пути домой он веселится: а что? Токката, красиво звучит. Только без комбинации. Токката Ромина. Правда, красиво?

Шел бы ты домой, Жорик, отмахиваюсь.

Он не слушается. Доводит меня до подъезда, а потом еще долго стоит внизу, глядя на свет в моем окне, я это знаю.

О том, что я теперь Токката, а не Кира, Жорик растрезвонил всей школе. Спасибо, что про «Комбинацию» не сказал. Но всем быстро надоело это неудобное слово. И ко мне приклеилось простое и короткое – Ток.

Во сне я вижу Михаила Антоновича. Он бежит за мной от метро ВДНХ по направлению к гостинице «Космос», снимая на ходу желтый свитер, и кричит: прикоснись, прикоснись ко мне! Потрогай меня, Токката! Токката Ромина, обними меня!

Асфальт под ним рушится. Я вижу лишь его окровавленные руки, он держится ими за край огромной ямы. С неба на его пальцы медленно опускается красивый орган, давит их. Он орет и падает вниз, в черную бездну. Туда же летит и его желтый свитер.

Думала, отец не вспомнит. Но он вспомнил. Почти ровно через месяц. Сказал насмешливо: где твой Жорик? Я с тренером по каратэ встречался, говорил насчет тебя. Но сначала надо проверить, ожомишься ли ты больше, чем он, этот твой лупоглазый полубаба.

Отказаться – никак. Зову Жорика вечером в гости. Он так радуется, что стыдно за него.

Он отжимается шесть, а я семь раз. Отцу достаточно. Смотрит на меня с гордостью. Хватает, приподнимает на одной руке под потолок.

Говорит: вот теперь вижу, что ты моя. Осталось отстричь космы и начать ходить на секцию. И добавляет: завтра у нас будут гости. Готовься отжаться при них. Пусть будет семь раз. Но лучше – восемь или девять.

Отец отпустил нас с Жориком погулять. Ради такого случая я могу побыть на улице на полчаса дольше.

Шатаемся с ним взад и вперед по проспекту Мира, смотрим на грязные машины и сердитых прохожих. Жорик радостный. Жрет грязный снег, смеется. Проиграл девчонке, а веселится.

Пьем лимонад у памятника «Рабочий и колхозница». Но мне с Жориком быстро становится скучно. Я прощаюсь с ним, иду домой.

Вечером следующего дня пришли гости. Растерянная мама ищет место на столе, чтобы поставить бокалы и тарелку с нарезанным сыром. Стол заставлен посудой с папиным мясом.

Лучшая дичь из подмосковных лесов, выкрикивает он и показывает рукой на куски в тарелках.

Папа шикает на маму, чтобы поставила сыр на подоконник. Мама вздрагивает и делает, как он говорит.

Из гостей я знаю только тетю Лену. У нее красивое блестящее платье, высокая прическа и руки в браслетах. Она поглядывает на папу, когда он этого не видит, и улыбается.

Говорит мне: Кирочка, иди я тебе мяска положу, пальчики оближешь.

Один из гостей, толстый с оттянутым книзу лицом дядя Паша, медленно встает с бокалом в руке.

Он говорит: что сказать тебе, дорогой мой Миша Прораб? Теперь ты больше не прораб. Ты стал, как и полагается в новой России, директором собственного предприятия – фирмы «СвойСтройПроект». И тебе больше не нужно никому подчиняться. Теперь все будут подчиняться тебе. А мы, как говорится, поможем. Строй дома большие и малые, в столице и стране! Ура! За тебя! За новую фирму! За созидание!

И он одним глотком вливает шампанское в себя. Мама отпивает из бокала маленький глоточек, тетя Лена выпивает все до дна. Мама задумчиво смотрит на оставленный тетей Леной след помады на краешке бокала.

А дальше происходит все то, что обычно, когда приходят гости. Отец громко рассказывает про охотничьи места, предлагает отведать мяса такого-сякого, пятого-десятого. Все кричат и веселятся. Тетя Лена тянет ко мне руки, предлагает чего-то поесть, но я не слышу – рев гостей заглушает ее. Мама сидит в полусонном состоянии, уставившись в тарелку с апельсинными дольками. Отец забыл, что я должна была отжиматься. Какое счастье.

Ухожу в свою комнату, ложусь на кровать – и мгновенно засыпаю прямо в одежде. А когда просыпаюсь, слышу, как спорят мама, отец и тетя Лена. Отец собирается провожать тетю Лену. Мать говорит своим тихим, вечно виноватым голоском: куда ты собрался, ты на ногах не стоишь, она сама дойдет. Тетя Лена вторит матери, мол, правильно, Миша, ложись, я сама дойду.

Из отца рвутся булькающие звуки вперемешку с матом. Затем стук, падение, вскрик. Кто упал, непонятно.

Потом тишина. Затем стон матери: отцепись, волосы выдерешь, Миша, убери руки...

Хлопает дверь – это уходит тетя Лена. Я раздеваюсь, ложусь и засыпаю уже на всю ночь.

В воскресенье к одиннадцати утра прихожу в спортивный зал по адресу, который дал мне отец. С тренером я все решил, сказал он. Кимоно тебе выдадут.

Захожу. В зале человек тридцать, одни пацаны. Все делают одинаковые движения. Один тренер их показывает, другой сидит на лавочке и что-то пишет в тетради. Оба замечают меня. Подходит сначала один, потом второй.

Который повыше спрашивает: ты чего сюда? Я говорю: отец послал. Он долго смотрит на меня, потом смеется.

Так ты Ромина, спрашивает. Да, Ромина, говорю ему, Кира Ромина, отец сказал, что договорился.

Смеются уже оба тренера. Второй говорит: просто он так сказал – Кирюша придет. Мы думали, пацан. Впрочем, не важно. Посиди первую тренировку и просто посмотри, как ребята занимаются.

Пока они говорят со мной, какой-то мальчишка пытается ударить другого ногой. Тренер, который повыше, это замечает, грозно кричит: эй, Сё Касуги, ну-ка отошел от него! Отжидаться на кулаках захотел?

После тренировки иду в кафе попить лимонада.

Сзади крик: эй, Ток, Ток, подожди! Токката!

Поворачиваюсь, кричит мой одноклассник Саша Коровин. С ним двое каких-то незнакомых пацанов. Втроем бегут ко мне. Стою, жду. Подбегают. Коровин, запыхавшись, громко шепчет: слушай, Ток, у тебя есть хотя бы сколько-нибудь денег?

Голос его становится тише: мы вот с пацанами решили пива купить. Он задвигает носом бесцветную струйку.

Коровин, нет у меня денег, отвали. Говорю ему – адресую им всем. Он обижается: значит вот так, да, Ток? Ладно-ладно. Поворачиваются, уходят.

Возвращаюсь домой. Там только мать, отца нет.

Мать грустная. Говорит: садись кушать. Потом уборка. Кира, надо поговорить. И сообщает, что из музыкалки мне придется уйти – папа недоволен. Он считает, что фортепиано не нужно, что это ерунда и в жизни оно никак не пригодится. Мы его продадим, я уже нашла кому. Записал он тебя на каратэ – вот и ходи. И чтобы завтра в парикмахерскую. Сейчас у женщин короткие прически в моде. Это тоже красиво.

И дальше совсем трагично: Кирочка, давай не будем папу раздражать. У него сейчас начался новый непростой период. Он стал директором крупной строительной фирмы. Нам нужно постараться создать для него уют, тепло, понимание. Он же все ради нас делает.

Мне все равно. Уйти из музыкалки? Это классно. Каратэ – значит, каратэ. Там хотя бы тренер нормальный. Не то, что нытик Михаил Антонович в желтом свитере. Но мать мне все равно жалко. Она не может сказать отцу ни слова против. Даже когда замазывает синяки тональным кремом, все равно молчит.

Она же прекрасно все знает про тетю Лену. Нет, она не слышала, как тетя Лена пищит в ее доме, в ее спальне, в ее кровати. Но она все понимает. И только поджимает губы. Когда-нибудь ее губы вовсе исчезнут, но ничего не изменится.

Иду в свою комнату, ложусь. Отчетливее вспоминаю писк тети Лены. Руки сами собой начинают медленно ползать по телу. Не понимаю, в чем дело. Почему память об этом писке вызывает во мне такие странные ощущения?

Тело напряжено, по коже мурашки. Закрываю глаза, вижу Жорика. Он внимательно наблюдает за тем, как я меняюсь под одеждой. Смотрит и смотрит, снизу вверх, сверху вниз. Представляю, как Жорик медленно подходит и прикасается ко мне. Трогает шею, лицо. Рука его плавно опускается мне на грудь. Он сдавливает ее – сначала одну, потом другую.

И где-то за его спиной все громче пищит тетя Лена...

Жорик целует меня в губы и вдруг превращается в тренера по каратэ Владимира Ивановича. Я вибрирую. Голова наполняется тягучим вареньем. Пальцы ног дергаются, словно кто-то бьет по клавишам пианино.

Тетя Лена пищит все громче.

Владимир Иванович сжимает меня крепче – такой большой и сильный. Ощущаю всем телом – сейчас что-то произойдет, что-то важное. С удивлением понимаю, что издаю тихие звуки...

Вдруг тренер грубо берет меня за шею, нежно душит...

Крик отца за дверью: иди сюда, Кирюша. Иди, расскажи, как прошла первая тренировка.

Картина в моей голове тут же рвется надвое, варенье в черепе быстро становится камнем и рассыпается в пыль без остатка. Мне нечего рассказать отцу. Я же только смотрела, как тренируются другие.

Он долго говорит, что ничего, скоро будешь сама заниматься. Тебя устроил в секцию сам Миша Прораб, твой отец. А значит, все будет лучше некуда.

Он пьян, лицо осунулось, глаза блестят. Теперь он всегда ходит в костюме и при галстуке. Такой непривычный. Но сейчас выглядит в этой одежде глупо и неряшливо.

Просит воды, мать наливает, подает. Он пьет выпучив на нее красные глаза. Отшвыривает стакан, тот едет по столу, врезается в сахарницу. Отец выкрикивает: вот теперь заживем, все у нас будет, все купим. Сейчас только влезу в господряды – и все, новая жизнь начнется. Сейчас у нас совсем другое государство, все позволяет, если с умом. А вот ты, говорит он матери, если бы родила мне пацана, я б из тебя царицу сделал. Ты слышишь, Марина? Ты недостойна носить мою фамилию.

Мать молчит, смотрит в окно, кружка с чаем в руках дрожит.

Еле слышно отвечает ему: Леночка родит...

Отец медленно снимает галстук, зажимает его в кулаке. Встает, покачиваясь, подходит к матери, нависает над ней, шумно дышит ей в ухо. Она поворачивается к нему лицом, бесстрашно глядит в пьяные глаза.

Раз в жизни смотрит без боязни.

Отец вяло поднимает руку с галстуком на уровень ее лица. Трясет им какое-то время, сопит еще громче. Бросает галстук – тот беспомощно повисает на цветочном горшке.

Говорит матери на ухо тихо и злобно, но я слышу: проклято там... у тебя... вот девок и рожаешь, тварь. Я спать... И уходит, шатаясь, грустно свесив взлохмаченную голову.

Через неделю отец пришел в школу. Разыскал нашего физрука, стал разговаривать с ним насчет меня.

Стоит вплотную к нему, спрашивает: как она посещает, как выполняет задания, как прыгает, бегает, участвует в эстафетах.

Физрук опешил от такого напора.

Рассказывает, заикается: все нормально, она молодец, хорошо, что подстриглась, надо остальных заставить это сделать, может, Кирин пример их вдохновит.

Отец грубо подзывает меня, дергает за руку. Говорит строго и гадко: если что, я сразу узнаю! Мы телефонами с Павлом Викторовичем обменялись. Какой сейчас урок?

Алгебра, говорю.

Бегом отсюда, звонок не слышала, что ли, громко спрашивает отец. За его спиной стоит Жорик, лицо испуганное, совсем детское. Поворачиваюсь, иду в кабинет, Жорик за мной.

Доносится, как отец говорит физруку: ты, Павел, заходи к нам как-нибудь, куропаткой угощу, фазанчиком.

Тот что-то мямлит в ответ.

Алгебраичка пишет на доске и стирает с нее. Губку бегали мыть три раза за урок. Я ни разу. Обидно.

На большой перемене идем с Жориком в буфет.

Он говорит, откусывая коржик: слушай, Ток, как ты с ним живешь? Твой отец такой... жуткий мужик. А ты такая всегда спокойная.

Не знаю, что ему ответить. Как-то живу. Живу и каждый день ощущаю, что отец видит во мне кого-то другого. Все его слова и поступки – чтобы вывернуть меня наизнанку.

Он что-то из меня вытащить пытается. Какое-то иное существо. Хватается за кишки невидимыми клещами – и дергает, и тащит. Иногда мне кажется, что он хочет выпотрошить меня, как кабана или куропатку. И посмотреть, что же там у меня внутри. Где там прячется то, что он ищет.

Не знаю, Жорик, говорю ему. Живу как-то. Бывают отцы и похуже, добавляю зачем-то.

С удивлением замечаю, что Жорик мне уже не нравится. Смотрю на него – и вижу лишь сопливого маленького мальчика. Чувствую, что виновата в этом я, а не он. Мне так хочется побыстрее сбежать от него. Скорее бы в класс – смотреть, как пишут на доске и стирают с нее учитель и одноклассники. Куда угодно, лишь бы подальше от Жорика.

Вспоминаю, что сегодня вечером тренировка. Сердце вертится от радости. Стучит в голове. Отчетливо слышу писк тети Лены, пытаюсь представить то, от чего она пищала. Перед глазами проплывают лишь бесцветные пятна, похожие на горы.

Это все Жорик, стоит тут с грустными глазами и мешает мне. Внутри вспенивается, сладкие волны затапливают тело, горло, голову. Дышать становится труднее.

Жорик, я в туалет, увидимся в классе, говорю ему. Стоит, рот раскрыл, нижняя губа будто сейчас же отвалится.

Забегаю в туалет, здесь никого. Прислоняюсь лбом к холодному стеклу. Закрываю глаза, вижу улыбающееся лицо Владимира Ивановича. Ноги напрягаются, я не могу ими владеть. Кажется, что грудь моя выросла, как у тети Лены, и чего-то требует. Она голодна, она хочет есть, только как и чем ее кормить? Просто стою в туалете, закрыв глаза.

Как только звенит последний звонок, убегаю из школы, дома быстро ем, переодеваюсь, бегу на тренировку.

Владимир Иванович смеется, увидев меня. А вот и Кирюша Ромина, говорит, единственная барышня в группе.

Какой же он красивый в этом белом кимоно.

Давай, переодевайся и на разминку, говорит.

Он подходит ко мне чаще, чем к другим. Касается моих рук, ног, туловища, головы. Учит, как правильно выполнять упражнения. Я не понимаю его речь, чувствую лишь касания. Каждое из них проходит через все мое тело.

Пусть это никогда не кончается...

Он встает сзади, кладет ладонь на спину, вытягивает мою руку вперед, прижимается всем телом...

Вдруг свет под потолком спортзала начинает мигать, становится нестерпимо ярко. И меня разрывает, я лечу в разные стороны, вверх и вниз. Разлетаюсь по всему залу. Ошметки моего тела падают в бескрайний сладкий океан и медленно варятся в нем.

С тобой все хорошо, спрашивает Владимир Иванович.

Из горла рвется – еще бы! Как никогда в жизни! Но я молчу, только улыбаюсь ему.

Вечером отец какой-то приторно добрый. Неприятная у него, гадкая доброта.

Садится рядом со мной на кровать, поглаживает по ноге.

И говорит: хочешь, возьму тебя на стройку? Посмотришь, как строятся дома. Рассказывает, что настоящий мужик должен усиленно заниматься физкультурой, изучать восточные единоборства, должен уметь строить дома, в которых потом будут жить счастливые семьи.

Я сижу и чувствую себя пока еще маленьким мужиком, которого обучают, как стать большим мужиком.

Молодец, что сделала короткую стрижку, говорит отец. И смотрит на меня так, как лучше бы смотрел Владимир Иванович.

Отца уже не остановить. Он гладит меня по голове и говорит, что я меняюсь в лучшую сторону, что у него на меня большие планы, что вместе мы всем им покажем, как надо строить и жить.

Я не хочу, чтобы он до меня дотрагивался, мне неприятно. Он будто чувствует это и сдавливают мне затылок, смеется с издевкой.

Повторяет: ничего, мы всем им еще покажем, ты, главное, люби отца, как он тебя любит. Шепчет на ухо: ты, главное, будь мужиком, Кирюша, времена сейчас лихие. Видела, наверно, по телеку, сколько сейчас покушений и убийств? Кто-то выживает, а кто-то нет. Надо, надо крепчать, Кирюша.

Обнимает, прижимает к себе.

Я ничего не знаю про покушения и убийства. Незаметно для себя сжимаю кулаки. Как же хочется на каратэ.

Жорик отыскал меня в столовой. Сказал, что нужно поговорить. И такой он грустный в своем мешковатом свитере. Переминается с ноги на ногу, руки потирает. Не понимаю, как это могло мне нравиться еще пару недель назад?

Мы скоро переезжаем в Воронеж, Ток, сказал он. Всей семьей. Ты представляешь, мы можем больше никогда не увидеться. Ты будешь мне писать?

А зачем вы туда, спрашиваю, чтобы сбить его с толку, чтобы он забыл об этом своем «писать». Я не хочу и не буду писать.

Папу пригласили работать начальником на заводе, выпускающем видеомагнитофоны, и он согласился, отвечает. И тут же снова спрашивает: Ток, ну ты будешь мне писать? Токката Ромина, пожалуйста. Я не знаю, как буду без тебя жить.

Говорю ему: ты сначала сам напиши.

Конечно, конечно, обещает Жорик, веко на левом глазу у него дергается.

«Прощай, Жорик...»

Думаю эту фразу много раз подряд. И мы идем на урок, где снова только и занимаются тем, что пишут на доске и с нее стирают.

После школы иду в книжный магазин, где работает тетя Лена. Зачем я туда иду? Не знаю. Есть что-то такое, что тянет меня к ней. Она знает какую-то важную тайну – настоящую, не ту детскую, что знает Жорик.

Тетя Лена улыбается, увидев меня. Угощает чаем с печеньем. Интересно, другие продавцы знают, как она умеет пиццать? Здесь она так не делает, выглядит обычным человеком.

Она спрашивает: почему я так редко захожу к ней в магазин. Говорит, что завоз новых книг у них обычно по пятницам и нужно сразу приходить. Можно найти много интересного для подростков.

Но мне неинтересно слушать о книгах. Я хочу узнать тайну. Хочу понять, что там у них происходит на маминой кровати за закрытой дверью и как именно это делается...

Тетя Лена улыбается, говорит: папа у тебя хороший, береги его.

В субботу отец привез меня на стройку пятнадцатипятиэтажного дома в Черкизово. Какой-то испуганный рабочий подбегает к нам, выдает две каски. Рядом с домом на железном заборе большой плакат «Строительство объекта ведет компания „Свой Строй Проект“». И чуть ниже – «Мы – монолит жизни!».

Отец обводит стройку взглядом. Вокруг строители, каждый занят своим делом. Правда, вид у них одинаково печальный.

Отец улыбается мне, говорит: сейчас я могу найти у них тут массу всяких нарушений и каждому задать, как следует. Но не хочется. Они все равно молодцы. Мэрия отнимает у нас много денег, но они отрабатывают по полной. Настоящие мужики. Зарплату я им пока не плачу. Пусть сначала покажут, на что способны, правда, Кирюш? Смеется.

Я стараюсь на них не смотреть, мне стыдно, что я пришла сюда с отцом.

Один работает сварочным аппаратом, другой, шумно вдыхая пыль, несет толстую трубу, третий что-то вымеряет у стены, а лица одинаковые – дряблые, сырые.

Обходим с отцом стройку. Он рассказывает, что это пока только коробка. Но постепенно все тут превратится в прекрасный новый дом и благоустроенный двор со стоянкой. И добавляет, криво улыбнувшись: а власть, Кирюша, она никогда не нажрется. И нам придется ее кормить, пока в стране, наконец, цивилизация не наступит. Ничего... Наступит... Еще бы сотню жирномордых пингвинов завалить – и наступит.

Отец надувает щеки, говорит: а вон там, вдалеке, видишь, дорога? Муниципальная. Городская то есть. А скоро будет моя – и рядом, с той стороны, я еще один дом воткну. Но уже не для счастливых семей. А чтобы взятки жирномордым пингвинам квартирами раздавать, вот так. Иначе работать не дадут. Но мы не из слабаков, Кирюша. Придет время – и мы их всех передошлем.

Отец обнимет меня за плечи, поворачивает лицом к себе, сглатывает слюну. Всматривается в лицо, придвигается все ближе ко мне. Затем поворачивается, берет два каких-то ведра, ставит вверх дном у стены.

Садись, говорит, не бойся. Грязь на стройке – это символ чистоты созидания.

Сажусь рядом с ним. Он резко обнимает меня за плечи, говорит: рассказывай, что у тебя с Жориком этим зассатым. Куда он вообще свои ручки худые тянет? Он понимает, что твой отец может сделать с ним и его родителями, а?

Берет мои ладони, зажимает в своих шершавых клешнях. Лицо его медленно плывет к моему. Чувствую ядовитый запах вчерашнего алкоголя.

Отвечаю, что нет уже никакого Жорика, что он уехал в Воронеж навсегда.

Отец быстро целует меня в щеку и отдергивает лицо, смеясь.

Говорит: а вот это хорошо. Словно почувал, что смерть его пришла... Жорик...

Он снова пытается меня поцеловать, но я отклоняюсь в сторону.

Возмущается, хочет заорать на меня, но из-за угла появляется строитель и весело спрашивает: Борисыч, это, две бетономешалки обещал... привезешь? Простаиваем, Борисыч.

Отец рывкает: пошел на хер отсюда, баран, не видишь, я с дочерью общаюсь, с будущей хозяйкой этого всего?!

Мужик быстро скрывается за углом. Отец встает, поднимает меня за руку, отпихивает ведра ногой, почему-то шепчет: ладно, едем домой, тебя уборка ждет. У выхода указывает на надпись «Мы – монолит жизни!».

Говорит: запомни! И будь всегда мужиком! И хвост держи подъемным краном!

Через две недели после переезда в Воронеж Жорик прислал мне письмо, в котором написал, что давно любит меня, но признаться в этом лично не хватало смелости. Пишет, как нравится ему меня рассматривать, как боялся он моего отца, как стеснялся до меня дотронуться и поцеловать.

Маленький сопливенький Жорик, зачем ты это пишешь? Я помню лишь твои сопли под носом и испуганные глаза.

Сижу, читаю, смеюсь.

...Хочется почитать твое письмо вместе с Владимиром Ивановичем.

И я мечтаю. Вот прихожу на тренировку. И кроме меня никто больше не пришел. Вот тренер говорит мне: ну пойдем тогда, присядем на скамейку, поговорим о чем-нибудь, раз больше никого нет. А я ему говорю: Владимир Иванович, мне бывший одноклассник прислал письмо из Воронежа. Давайте вместе почитаем? И мы садимся вплотную друг к другу на лавочку в спортзале. Он обнимает меня, говорит: давай почитаем, почему же нет. Я достаю письмо, разворачиваю его, мы читаем – строчку он, строчку я – и смеемся все громче. И вдруг он вырывает у меня письмо, комкает, бросает на пол. Наклоняется ко мне и целует – крепко, по-настоящему. Его красивым и сильным рукам нет преград – они трогают меня везде где захотят...

Я вдруг понимаю, что плачу. Открываю глаза, смотрю на письмо Жорика, на нем капли. Слова «давно тебя люблю», написанные его дурацким почерком, расплылись, ожили, закачались в капельках слез.

Я шепчу: никогда больше не пиши мне, Жорик. Пошел ты, Жорик. Отстань от меня. Рву письмо, а потом долго бью обрывки кулаками. Я должна быть мужиком. Таким как Владимир Иванович. Никаких слез.

Лежу в кровати и слышу, как что-то во мне лопается. Ни с того ни с сего шумит в ушах, будто машут крыльями ночные птицы. За окном то темнеет, то светлеет, словно мир включается и выключается. В голове стучит, будто там швыряются камнями. Ноги сводит, между ними набухает и липнет. Я перестаю понимать себя, я какой-то жалкий перевертыш...

Почему-то вспоминаю учителя по сольфеджио Михаила Антоновича в его желтом свитере. «Токката значит „трогать“, „касаться“». «Дотронься до меня, Ромина, сейчас же!»

Противно. Липко.

Но что дотронулось до меня самой, что коснулось меня? Лучше... дотронусь я сама до себя. И руки тянутся к давно известным местам. Исчезают неведомые ночные птицы, прекращает включаться и выключаться мир за окном, превращаясь в обычную ночь.

Отец в гостиной орет на мать, она плаксиво отвечает – все равно. Давно все равно. Я ненавижу их одинаково. И не потому, что я подросток, как говорят в школе, а просто так, потому что.

Противно. Липко.

И от тети Лены душно и липко.

Этот отец еще со своими мясом и стройкой, стройкой и мясом. И этот Жорик со своими идиотским почерком и воронежскими соплями. И никакой я больше не подросток. Ложилась в кровать подростком, а засыпаю кем-то другим.

Сегодня у нас нет тренировки, но я знаю, что Владимир Иванович в спортзале и он ждет меня. И я иду к нему. Но я ли это? Или кто-то идет моими ногами? На миг появляется ощу-

щение, что я взрослый мужчина и иду к другому мужчине. Это все отец, да пошел он. Я – девушка. И иду к любимому.

Вхожу в спортзал. Здесь тихо и стелется по полу сладкий дымок. Замечаю на лавочке две подставки, в них вставлены тонкие черные палочки, это они дымят так сладко.

Владимир Иванович лежит на полу в джинсах и футболке, под ним – тренировочный мат. Он улыбается, подзывает меня к себе. Я сажусь на мат рядом с ним. Он гладит меня по ноге, по волосам и смотрит мне в глаза.

Вкрадчиво говорит, что час настал, и я должна пройти посвящение в тайну небесного каратэ, и мы вдвоем станем хозяевами неба и земли. То, что произойдет сегодня, предсказано древними учителями света.

Рассказывает, что небесное каратэ – это уже не удары руками и ногами, это управление всей мировой машиной. Это защита от ударов судьбы, сколь бы техничными и хитрыми они ни были.

Он медленно укладывает меня на мат, стягивает с меня и с себя джинсы, снимает свитер. Он должен напитаться моей влагой. Он хочет припасть к моему источнику, чтобы получить силу, а мне отдать свою. Я понимаю, что сейчас будет. И я готова. Уже давно готова. Но все же боюсь, надо отвлечься... надо как-то отвлечься...

...я вижу легкие облака в солнечном небе. Я – горный ручей. К моему берегу подходит большой черный конь. Он опускает морду в мои воды – и жадно пьет из меня. Дует ветерок – по мне проходит рябь. Один, второй, третий раз. Я слышу свой голос, стоны воды. Они везде, по всей длине ручья.

Я замечаю деревянный мостик, перекинутый через меня. Конь прекращает пить, поднимает морду вверх, трясет головой – капли разлетаются в стороны, поблескивая на солнце, медленно колышется его грива. Он идет на мостик, поднимается на середину – и вдруг подпрыгивает, взлетает высоко в небеса. Потом падает вниз.

От его падения мостик разлетается на куски, обломки дерева и конь падают прямо в меня, тонут во мне, моя вода вздымается вверх огромной волной. Расплескивая воду по берегам, боль прокатывается через мое нутро, словно ток.

«Токката! Кто ты теперь, Ток?!» – кричу я сама у себя внутри.

И тут же боль сменяется изнуряющим счастьем. Капли воды возвращаются с неба – чтобы я навеки поглотила их. Они застилают мне глаза, я плохо вижу солнце, небо, остатки разбитого мостика. Только отголоски боли и радость плавают внутри меня, словно две блестящие рыбы.

Все, все, не плачь, говорит мне Владимир Иванович, все уже позади. Теперь ты моя навсегда, ты была просто девчонкой, а стала высшим божественным светом. Сегодня я показал тебе, что такое небесное каратэ, тебе понравилось? У нас с тобой будут ученики. И не только люди. Все космическое пространство будет учиться у нас. Вот это будет жизнь!

Его улыбка. И моя боль. И его волосы, глаза...

Он нежно целует мне мочку уха. Говорит шепотом – ты настоящая женщина, Ромина. Твое лицо – небеса, а грудь – два облака. Мы поведем с тобой в новый мир миллионы живых существ – людей, зверей, рыб и птиц. Этот спортзал – новым ковчегом наречется...

Он больно сжимает мне руку, говорит: Ромина, ты это... смотри никому не скажи о том, что сейчас было. Не хватало мне, чтобы батя твой узнал. Давай, одевайся. И собирай потихоньку нам братьев и сестер в школе. Практику небесного каратэ продолжим в следующий раз. А в пятницу жду на тренировку, скоро соревнования.

Теперь я думаю лишь о том, что случилось. Теперь я сыта. Теперь я – это и правда я, а не какой-то ошметок меня. И я счастлива.

Отец стал настороженным. Он что-то чувствует. Подозревает. Все ходит вокруг, придираться перестал, уборку теперь делает только мать. Ходит и смотрит. Потом пьет коньяк и ложится спать.

Собирайся, говорит отец, на охоту со мной поедешь, пора тебе, вижу, готова ты. Одевайся потеплее.

Долго едем по Москве, потом через Химки, проезжаем Зеленоград, затем сворачиваем на лесную дорогу – и долго едем вглубь леса. Останавливаемся, отец дает мне чая из термоса – на, согрейся. Достает свое страшное ружье, вешает его на плечо. Пойдем, говорит, подальше в лес.

Идем. Лес вдруг заканчивается, мы выходим к оврагу. Вдалеке – поле, за ним – снова лес. Отец смотрит на меня, кривится.

Говорит: ложимся вот тут у пригорка – и ждем.

Я ложусь. Твердые растения и трава неприятно упираются в живот, ноги, шею. Отец ложится рядом, выставляет ружье вперед, целится. В кого он собирается стрелять? Никого же нет. Ни птиц, ни зверей.

Отец надломленным голосом говорит: вон там он шел, куда я целюсь. Вышел из леса и просто шел по полю, вон там, вдалеке. Я лежал, а он шел. Я ждал не его, но шел-то он.

...И я выстрелил, это было так легко. Просто нажал на курок. И он упал. А я положил ружье и заснул. Когда проснулся, было уже темно. Ты слышишь, Кирюша? Я просто выстрелил в него и уснул. Тут, на траве, на земле. А теперь слушай меня. Если я узнаю, что хоть одна потная рука к тебе прикоснулась, что хоть одна вонючая ладонь тебя трогала – я заставлю вас обоих идти из того леса, а сам вот так вот, как сейчас, лягу здесь, ты слышишь? Если хотя бы одна гнида сделает это с тобой, я прицелюсь в вас обоих, а потом засну. Ты ведь меня поняла? Будь мужчиной, а не обвислой сиськой, которую тискают потные руки. Ты только моя, Кира.

«И так идет за годом год, так и жизнь пройдет...» – пел тогда из всех окон какой-то певец с грустным голосом. Через некоторое время после той поездки в лес с отцом произошли все те события, которые окончательно утвердили меня в ненависти ко всему живому, кроме Владимира Ивановича. А больше всего – к отцу.

Очередное душное лето с потными очередями только начинается. Я иду гулять в парк Горького с одноклассником Сашкой Коровиным. Он радуется, что в школу больше возвращаться не придется – решил пойти в какое-то училище и стать каким-то мастером, я не слушаю, мне не интересно.

Вторник, а народу в парке много. Иду и думаю, как все это надоело – народ, парк, училище, в которое собрался Коровин. Прячемся за деревом, курим и пьем теплое пиво из бутылок без этикеток – Коровин сорвал их на всякий случай. Какой же он ребенок, этот Коровин. Но остальные еще хуже.

Говорю ему, Коровин, хочешь узнать тайну небесного каратэ, а потом вознестись на небо и управлять оттуда всеми людьми, а? Приходи тогда ко мне на секцию как-нибудь. Я тебя с таким человеком познакомлю! Он великий учитель, Коровин. Он тебя научит, как не просто быть Коровиным, который пьет это тухлое пиво, а как управлять народами. Хочешь?

Коровин не может сдержать отрывку, смотрит по сторонам как полоумный, начинает икать.

Ток, ты серьезно или бредишь, спрашивает.

Отвечать нет смысла. Видно же, что не подойдет он для управления народами.

Едем домой на такси – Коровин ворует деньги у родителей, у него их всегда много. Выхожу на Бориса Галушкина. Время позднее, но летом это не так важно. Да и отец погряз в своей стройке – не до меня.

Дверь в квартиру открыта – странно. Вхожу.

Ко мне бросается тетя Лена, вся в слезах, растрепанная. Причитает: Кирочка, ты только не волнуйся, все будет хорошо. Мама в больнице. Но ты только не бойся, прошу тебя. Я спокойна и даже весела – хоть какие-то перемены в жизни.

Что случилось с мамой, спрашиваю.

Тетя Лена заходится слезами: взрыв какой-то в метро был... Никто ничего не знает... С «Тульской» она ехала вроде... И что-то там случилось, взорвалось... Я не знаю сама ничего толком, Кирочка. Из больницы позвонили, и папа тут же уехал.

«Представляю, как ты пищала, крыса, лежа в ее кровати, когда тебя прервали...» – думаю про себя.

И я представила мать. Как она лежит в больничной кровати, словно подстреленная куропатка. С простыни капает кровь, как редкий дождик, на пол. И что она уже не может сказать ни слова своим виноватым голосом. Может, у нее зубов нет, языка. А может, и самой головы нет? А может, это вообще не она? Лицо же обезображено до неузнаваемости.

Вдруг это просто тетка другая. А отец сидит сейчас рядом с ней, думает, как жить дальше. Кто будет варить его вонючие потроха, кто будет выбрасывать кишки и перья в мусоропровод. Кирюша будет, она ведь жива. Она-то никуда не делась. Ее не взорвали.

Мать пролежала в больнице неделю и умерла. Искать виновных никто не стал, дело постепенно замяли, затерли. Говорят, это был террористический акт. Что за штука такая, никто не знает, даже отец. Он просто пьет коньяк целыми днями и по телефону орет матом на своих подчиненных. А потом засыпает прямо в одежде.

Тетя Лена сидит рядом с ним, держит его ладонь в своей. Потом смотрит на меня рассеянным взглядом, просит, чтобы я чего-нибудь поела, и уходит домой.

Теперь мы живем с отцом вдвоем. Он учит меня разделывать и обрабатывать мясо, а потом его готовить. Учит мыть ванну, унитаз, раковину. Теперь все это на мне.

Извини, говорит, Кирюша, но бабьи дела теперь делать некому, только тебе. Хочется сказать: «кто пищит в спальне, тот пусть и делает». Но я боюсь.

Отец напивается каждый день. Странно, он мать ни во что не ставил, а переживает. Тетя Лена скрашивает его жизнь как может. И мне помогает по дому, хотя я не просила. Мне лучше одной.

Выхожу на улицу и просто иду. Иду и думаю, сколько раз у нас уже было с Володей (когда рядом никого нет, он разрешил называть его так). Вот бы переехать к нему – и никогда больше не видеть отца. Хочу вечно кружить с Володей по спортзалу со свечкой в руках, а потом падать на мат, проваливаясь в него, словно солнечный свет в облака. Мой прекрасный черный конь, мой Володя...

Возвращаюсь домой, отец сидит в коридоре в одних трусах.

И понеслось обычное для последнего времени: Кирюша, мальчик мой, у тебя снова отросли волосы. Мужик не может быть таким, мужик таким не бывает! Ты должна была родиться мальчиком, ты слышишь? У твоей матери было проклято нутро – вот ее и забрали туда, под землю, в пекло...

Кирюша! Ты посмотри, вокруг одни бандиты! В кабинетах бандиты, на улицах бандиты! Ну-ка быстро отжалась, быстро присела много, много раз... Завтра я куплю тебе штангу, Кирюша! И не дай бог, не дай бог! Я больше всего в мире люблю тебя, только тебя, ты слышишь?! Но любить надо правильно, по-мужски, так умею только я!

Звонок в дверь, это тетя Лена. Видит отца, кричит и плачет, вызывает скорую. Его увозят на две недели. Выписывают помолодевшим лет на пятнадцать.

И он сразу принимается за свое – уборка, готовка, охота и стройка. Я не могу с ним больше под одной крышей. Он залез внутрь меня до самого конца – и копается там, и роет,

и грызет. Пьет меня и ест. Тетя Лена понимает меня, но она на его стороне. Она ему теперь за жену, няньку, друга.

После очередной тренировки рассказываю все Володе. Он мне не верит, говорит: твой батя – отличный мужик, не наговаривай на него. Просто ты подросток, а он взрослый состоявшийся дядька, серьезный бизнесмен. Вы на разных волнах. Чуть помолчав, добавляет тихо: но, возможно, на него оказывают психологическое воздействие на расстоянии. Слышала когда-нибудь о пси-оружии? Может, он поэтому такой злой и агрессивный?

Я ничего не слышала о пси-оружии, так ему и отвечаю.

Он говорит: послезавтра у нас первое большое собрание. Будем обсуждать методы противостояния противникам света. Вопрос о незримом воздействии на психику тоже будем поднимать, приходи. Ты знаешь, что на Ельцина тоже воздействуют? Есть факты, я о них расскажу. Обязательно приходи, небесная жена моя.

Он увлекает меня на мат, и мы с ревом стыкуемся.

После собрания я почти не сплю ночами. Мне ничего не хочется, кроме как танцевать с моим Володей в спортзале, освещенном лишь свечами. В том, что на отца воздействуют скрытые враги, у меня теперь нет сомнения. Он часто подавлен, он мало ест, он снова стал пить. Но самое ужасное – тетя Лена теперь живет с нами.

А вот не она ли воздействует?

Может, и в смерти матери она виновата? Да хрен с ней, с матерью. От нее все равно толку не было.

День за днем присматриваюсь к отцу, стараюсь заглянуть ему в рот, когда он ест. Володя говорит, специально обученные стоматологи могли вставить ему в зубы различные металлические пластины и проволоки для улучшения сигнала воздействия.

Любимый Володя, мой сильный черный конь, мой милый...

Тетя Лена день и ночь твердит, как сильно любит меня отец. Если б она знала, что это не любовь – это ковыряние в моей голове и внутренностях. Он прицелился в меня в детстве и выстрелил в юности. Потом ошипал потроха и стал разделявать, копошиться внутри. Он доберется до сердца, уже скоро. А потом до души. Разрежет ее пополам и выпьет кровь – кислую, вязкую, липкую.

Мы гуляем с Володей в парке Сокольники. Он просит меня ни в коем случае не рассказывать о нас отцу. Говорит, что через это знание черные психологи могут воспользоваться нами обоими.

Поясняет: если отец узнает о наших отношениях, это его сильно разозлит. Злость он направит на кого? На нас с тобой. Через этот поток, исходящий из него на нас, черные маги смогут отправить любую энергию, любые приказы. Для них это дорога без знаков ограничения скорости. И будем мы с тобой слышать страшные голоса, видеть несуществующие предметы. А главное – возненавидим друг друга.

Мне становится страшно, я прошу его прекратить. И он умолкает. Долго смотрит мне в глаза, прижимает к себе, целует, его руки расстегивают мне молнию джинсов.

Я шепчу: Володя, не здесь же?

Здесь же, здесь, улыбается он, тянет меня за деревья.

Тетя Лена и отец сидят молча за столом, смотрят на меня. Нагулялась, говорит отец? Давай рассказывай все до последнего. Я вижу, с тобой что-то не так. Рассеянная какая-то последнее время, глаза пустые, ведешь себя вызывающе. Ты думаешь, если отец все время занят, он ничего не видит, не понимает?

Говорю: пап, а что у тебя с зубами? Блестят они как-то странно...

Тетя Лена смотрит на меня так, словно видит торчащий у меня из ноздри крысиный хвост.

Отец вытирает губы, мешки у него под глазами вытягиваются книзу. Я знаю, что будет дальше. Мешки постепенно наполнятся злостью из неведомого источника. Станут похожи на уменьшенную во много раз грудь моей бабушки Тани, что живет в Твери. Потом он встанет, подойдет ко мне. И тут уже есть варианты: схватит за волосы и ударит головой о стену, выкрутит руку так, что ладонь моя чуть ли не до лба достанет, ударит меня по уху, а потом приподнимет за него.

Мешки под глазами отца постепенно наполняются злостью из неведомого источника. Становятся похожими на уменьшенную во много раз грудь моей бабушки Тани, что живет в Твери.

Он встает, грубо отодвинув стул с тетей Леной, подходит ко мне...

...Присаживается на корточки, берет обе мои руки, зажимает в своих ладонях и держит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.